

Поэтому, когда я взялся создавать и удалось создать станицу, мне было понятным теплое отношение к казакам и станице бывшего Жупана, госп. Иована Наумовича, а равно и ему подчиненного аппарата. Мне удалось добиться для станицы права выдавать легитимации членам (первая и единственная станица в Югославии), тоже благодаря доброму имени казака и благодаря беспристрастной оценке его со стороны властей.

В настоящее время, когда Жупана сменил Бан, благодаря, опять таки, беспристрастному, теплом отношению к казакам со стороны Бана Зардарской Бановины госп. Живи Лазича и ему подчиненного служебного аппарата — положение станицы еще больше укрепилось, чем станичники очень довольны; среди не членов станицы слышны выражения одобрения, а иногда и зависти.

За доброе отношение г. Бана и всех учреждений города Скопле большое им спасибо от всех казаков, а за доброе имя казака — спасибо станичникам.

Нельзя не заметить, однако, что станицу составляют на 95%, рядовые казаки. А где же их бывший командный состав — офицеры? На этот вопрос каждый станичник ответит не задумываясь: „Оставили нас, ушли в русскую колонию!“ Но почему? Неужели им не по духу родная казачья среда, станица, свой казачий „двготь“? Неужели они потеряли способность руководить жизнью казаков в беженстве? Да ведь руководили же они теми же казаками в боях против красных интернациональных рабобойников?

Да! Вероятно в свое время в сердцах и умах некоторых из них слишком мало было заботы о Казачестве, а в беженстве они разменялись окончательно и, как ненужная примесь, от казаков отпали, превратились в пыль и носит их ветром от Николая Николаевича к Кириллу, Никите и пр. Потянуло их к „знати“, „вождям“... Жаль казакам, что они вышли тоже из казачьей семьи, но и в семье не без урода.

Эту отпавшую от казаков часть офицеров осудит Казачество в будущем, но уверен, что и ту часть офицеров, истинных казаков, которые в настоящем отдают все свои силы служению казаку в Казачестве — сумеет оценить по заслугам.

В своих обращениях и письмах я не раз обращался к „отошедшим“, приглашая к сотрудничеству в станице и общеказачьей работе и повторяю, что еще не поздно им вернуться в среду казаков, своей работой принести максимум пользы общеказачьему делу и занять свои места среди казаков.

Что же касается группы казаков, разбросанных по Южной Сербии, я уверен (мою уверенность подкрепляют письма отдельных казаков), что они не замедлят влиться в Скоплянскую общеказачью станицу, чтобы легче перебороть все встречающиеся в беженстве затруднения и чтобы в одном сильном кулаке (спайке) сохранить казачий дух, одну казачью думку и иметь отпорность вредному влиянию „политических протитутков“, которых в беженстве паросло как грибов и каждая со своим „вождем“.

Наша политическая партия — Казачество!

Наше знамя — Казачество!

Наш судья — Казачество!

Спасибо великим патриотам своего отечества г. Ж. Лазичу, г. И. Наумовичу, их единомышленникам и всем приятелям Казачества, сумевшим достойно оценить казаков, гостеприимно принятых их отечеством в свою среду!

Спасибо станичникам, сумевшим в исключительной тяжелой обстановке сохранить доброе имя казака! Атаман Скоплянской Общеказачьей станицы

26-III-1930 г.

Я. Ковган.

Там хорошо, где нас нет.

(Из письма одного казака к другому).

Два письма послал тебе из Бразилии и нет ответа. Ты умер, что-ли? Это пишу третье. В тех письмах писал тебе о своих мытарствах, а в этом хочу сказать несколько слов о казаках, переселившихся в Перу. Приходится в сотый раз возмущаться тем легкомыслием, с каким казаки вообще относятся к вопросам жизни. Есть

казачьи организации, союзы, есть Атаманы и проч., а инициатива переселения принадлежит какому-то авантюристу Королевичу. Разве ему дороги казаки? Да ему плетать на все — ему нужны деньги легкие и скорые! Обманом он взял концессию, обманом переселил, деньги получил и не сегодня завтра он сам улетучится, если не подвернется какая-нибудь очередная авантюра в Перу или еще где нибудь.

Здесь, в Бразилии, Королевича многие знают по работе и до революции и во время революции и знают его дела в Сербии. Люди просто удивляются, как верхи казаков могли это дело доверить такому типу. Здесь ползут самые надобные слухи о жизни казаков в Перу. Может быть уже настал момент нашим верхам вмешаться в это дело и обратиться за защитой к Президенту Перу.

Дело в том, что казаки сделались просто рабами Королевича и под его угрозой лишены не только свободы, но даже права переписки: письма уничтожаются. У меня вначале было намерение уехать в Перу из Бразилии, но теперь охота пропала. Я уже вот 1 1/2 года в Бразилии и толку нет. Жалею, что выехал из Польши. Передай всем казакам, всем, кто меня знает, всем, кто тебя спрашивает, чтобы в Бразилию никто и носа не показывал. Довольно, что влесли те, кто уже здесь есть, из которых многие хотят уже вернуться обратно.

Я изездил всю Бразилию, но все мечты мои разбились. Недавно возник проект о переселении в Уругвай или Аргентину, если в там будет швах, — вернусь в Европу. Не думай, что я односторонне смотрю на все возможности, т. е. если мне не подходит, то и другому не подойдет. Нет! Как мне, так и другому. О земледельческом хозяйстве здесь и речи быть не может, хотя здесь многие занимаются хозяйством. Главный бич Бразилии это — бичи и муравьи. Ими кишит вся Бразильская земля. Растения сгорают, люди страдают. Климат во многих местах хороший. Сейчас полная безработица. Единственно пока поддерживают нашего брата, это два больших предприятия, английское „Лайт“ и американское „Дьераль Электрик“, которые имеют массу строительных работ. Не будь их здесь, была бы голододка. Шлю привет. 1930 г. G-III. Бразилия...

Калмыцкий вечер в Белграде.

Усилиями небольшого, недавно организованного „Союза Калмыцкой молодежи“, председателем которого является Санжа Меньков, а секретарем — Санжа Алексеев, был устроен в прошлое Воскресенье калмыцкий вечер. Вечер прошел в интимном кругу калмыцкой эмиграции и нескольких казаков. Против ожидания присутствовало много сербов, которые выражали свой неподдельный восторг шумными криками и аплодисментами.

Большой интерес вызвала поставленная на сцене пьеса Санжи Балыкова. Роли были распределены так: Бадья Алдакьянов играл старика, Саран Уланов — его сына, Санжа Алексеев-Санджерму — его жену, большевиком — Санжа Бурушкин, Санжа Шугуряев и Борис Кундрюцков.

О пьесе можно сказать несколько похвальных слов. Бытовая сценка удалась, и хоть артисты вначале несколько смущались, но вскоре смущенье прошло и середина в конец прошли более оживленно.

Сольные номера повторялись несколько раз, так как присутствующие все время вызывали участников. Большое впечатление оставили танцы и хор.

Танцевали калмычки: Санджирма Михайлова, Халюка Цуцукова, Налга Бурушкина, Дорджма Джугнинова, калмычки: Петр Романов, Санжа Абушинов и Доржа Мучкаев под музыку калмыцкой балалайки (домбр), на которой с мастерством играли Халюка Цуцукова и Доржма Джугнинова.

Калмыцкий хор, хоть и маленький, всего в пять человек, тоже оказался на достаточной высоте.

Декламировали С. Алексеев — „Родной степи“ В. Седова и Б. Кундрюцков стихотворение Н. З. „Пусть будут прекрасны и море, и горы!“ („Путь Казачества“).

Хорошо спел студент Николай Букин романс „Мне не спится в госте по ночам“ под аккомпанимент гита-

ры, и затем казачью песню „Кольцо казачка подарила, когда казак пошел в поход“.

Вечер настолько был веселый, что в ресторане „Зицко“, где он был устроен, гости засиделись до глубокой ночи.

(Соб. кор.)

В О-ве кубанцев.

29 прошлого марта в Праге состоялось годовичное общее собрание „Общества Кубанцев С. С. Р.“ с таким порядком дня: прием и исключение членов о-ва; отчет правления и ревизионной комиссии; план деятельности на 1930 год и выборы правления и ревизионной комиссии.

На собрании присутствовало около 30 человек. Председательствовал инж.-экоп. Н. Штапко при секретаре Д. Троян.

По исчерпанию повестки, в состав нового правления были избраны: Гонтарь, Троян, Слива, П. Макаренко и Хатгогу.

Ходоки из Перу.

23 марта, прибыли из Перу в гор. Марсель (Франция) два казака: Усатов и Подрезов, выехавшие из Югославии с последней группой, вместе с женой ген. Павличенко.

Первый из них, приехавший зайцем на итальянском пароходе N, рассказывает следующее: он послан от всей группы ген. Павличенко, чтобы не только предупредить Войсковых Атаманов о приостановке записи в Перу, но и просить их содействовать возвращению казачков обратно в Европу.

Казачки, попавшие на реку Апуримак, находятся в очень тяжелых условиях и нет никакой надежды на улучшение. Тяжелый климат, масса насекомых, отсутствие хлеба и др. продуктов питания и жизнь в шалашах, все это привело казачков к поголовному заболеванию. Для того, чтобы заняться казачкам своим трудом хлебопашеством, нужны очень большие средства и время, не говоря уже о тяжком физическом труде.

Долина Апуримак представляет из себя непроходимую чащу. Корчевка деревьев и очистка от листьев, требует большого труда и много времени. К тому же масса муравьев и др. насекомых, которые уничтожают все попавшееся на пути. Для пробы посеяли кукурузу, фасоль и др. культуры и все это было уничтожено насекомыми, с которыми бороться совершенно невозможно при настоящих условиях.

Обвиняют ген. Павличенко, который, бросив казаков на произвол судьбы, занялся джигитовкой. Даже казаки джигиты несмотря на большие сборы (до 650 либров), оставались полуголодными, а на Рождество были оставлены без куска хлеба.

После ссоры из-за дележа выручки от джигитовки ген. Павличенко с г. Королевичем — джигитовка была запрещена, а от г. Королевича отобрана концессия.

Казак Подрезов, как он сам рассказывает, по прибытии в Перу отказался войти в группу ген. Павличенко и ему было предоставлено Правительством одиночное поселение. По настоянию ген. Павличенко и г. Королевича, он был арестован и отправлен на остров как большевицкий агент и только через пять месяцев ему было разрешено выехать в Югославию.

(Подробный доклад в следующем номере).

С. Шепель.

В Брно.

На последних выборах правления Брненского хутора ОКСС избраны: атаманом — янж. А. П. Алейников (куб.), помощником ат. и казначеем Пашов (дон.) и писарем янж. В. В. Карпушкин (тер.).

Казачка — доктором естественных наук.

4 сего апреля терская казачка М. Растригина получила диплом доктора естественных наук Карлова университета в Праге. Поздравляем.

Марсель, зал Laungery, 27 rue de la Darse.

„Пасхальный концерт-бал“,

устраиваемый Марсельской общеказачьей станицей на первый день Св. Пасхи 20 апреля. Чистый сбор будет распределен поровну: для пострадавших от наводнения во Франции и в кассу взаимопомощи Марсельской общек. станицы.

Интересная концертная программа. Общедоступный пасхальный буфет. Танцы до утра. Начало ровно в 9 час. вечера. Казачки, поддержите свой первый казачий бал. Приводите с собой гостей.

Опечатка.

В прошлом (54) номере „В. К.“, на стр. 21, в конце корреспонденции из Перу (левый столбец, 20-я стр. снизу) следует читать: „... и станичный Атаман ген. Павличенко“.

В Казачьих Землях.

Головокружение от... успеха.

Накопление богатств человечеством, до сих пор, являлось большим шагом в прогрессе (дикари все тотчас съедают), ибо является основой экономической жизни. Поддержка всевозможного рода сбережений и их поощрение имеет большое воспитательное значение и вполне оправдывается целесообразностью и присущей человеку заботой о своем будущем.

По удачному выражению одного искреннего большевика, Истрати, — С. Кавказ — „страна коммунистического дебоша“ и на Казачьей Земле не самодавляющий порядок, а кристаллизованный беспорядок. За немногим исключением, все население ненавидит коммунистов и не только не имеет права „сберечь“, но даже выражать свое неудовольствие пред различными советскими „опытами“ над живыми людьми Казачьих областей. С инакомыслящими и несогласными „стать и быть нищими“ (беднотой) ведется свыше 12 лет беспощадная борьба, вплоть до высшей меры наказания — расстрелов. Яростными усилиями коммунисты продолжают „du passé faisons table rase“ — делать из прошлого гладкую доску. В Казачьих областях идег вопрос о возможности дальнейшего обмана „советчиками“

народа и на карту поставлено решительно все, чтобы не лишиться своих лучших колоний — Кубани, Дона, Терека, Астрахани и других Казачьих Земель.

„Об успехах советской власти в области колхозного движения говорят теперь все“, так начинается в № 62 „Правды“ сзюю статью московский красный хан Сталин. Правда, по официальным сведениям, на Кубани коллективизировано 52% (по другим сведениям даже 76%) всех хозяйств и в ряле станиц и хуторов даже превзошли „дятилетку“. Станица Зеленчукская превысила задание на 120% и попала на почетную красную доску.

Такие „сверх успехи“, казалось, должны лишь радовать большевиков, но на самом деле они испугались и сейчас „пятятся назад“. Не слишком ли поздно спохватились московские тираны?

Ведь прекрасно известно, что пред поступлением в колхозы жители ликвидировали все свое имущество и, ставши „работниками земли“, работали с прохладцей, лишь 8 часов, требуя от заведующих колхозами пищи, одежды, помещения и приличной заработной платы... Иногда в колхозы загоняли силой при помощи пулеметов, чего не отрицает и сам Сталин: можно ли сказать с уверенностью, что „добровольность“ и учет